

**Николаев Д. Следователь Дидятичев, обвиняемый
Дудырев и свидетель Тетерин / Д. Николаев // Вопросы
литературы. – 1961. – № 10. – С. 98-105. – В ст.: «По какой правде
жить?..» / Д. Николаев.**

**СЛЕДОВАТЕЛЬ ДИДЯТИЧЕВ, ОБВИНЯЕМЫЙ ДУДЫРЕВ
И СВИДЕТЕЛЬ ТЕТЕРИН**

«По какой правде жить?»— этот вопрос поставлен и в последней повести Владимира Тендрякова — «Суд». И поставлен опять-таки по-своему, горячо. Здесь мы не найдем ни того открытого общественного столкновения, что было в романе Мальцева, ни того скрытого, но внутренне драматического сопоставления жизненных путей, которое дано в повести Некрасова. Нет здесь картин, сцен повседневной жизни — деревенской или городской. В основу повести положен случай редкий, исключительный, но зато позволивший писателю поставить волнующий его вопрос предельно остро.

На охоте случилось несчастье: убили человека. Охотились втроем. Тетерин — бывалый охотник, «свой» человек в лесу; Митягин — фельдшер из местного колхоза, и Дудырев — начальник большого строительства, развернувшегося по соседству. Тетерин не стрелял, стреляли Митягин и Дудырев. Одной пулей был убит медведь, другой — человек. Чья же попала в человека, кого привлечь к суду? При официальном обследовании туши медведя и трупа человека пуля не была найдена. Ряд косвенных данных свидетельствует о том, что в человека попал Митягин. А дальше произошло следующее: Семен Тетерин при освежке медвежьей туши нашел пулю, раскатал ее, примерил к стволу ружья и выяснил, что это пуля от ружья Митягина. Значит, человека убил не он, а Дудырев. Вот она, та истина, которую не удалось установить на месте происшествия. Итак, все в порядке? Оказывается, нет. Оказывается, Тетерин, «собственными руками» добывший эту правду, в конце концов отрекается от нее и заявляет на суде, что никакой пули он не находил. Как же так? Неужели правда попала в руки бесчестному человеку?

Нет, Тетерин по натуре своей человек честный; он глубоко сочувствует Митягину, искренне стремится оградить его от ложного обвинения. И все-таки он действительно предает Митягина. В. Тендряков и вскрывает в своей повести то «сцепление обстоятельств», которое привело Тетерина к этому. Он показывает, что Семена «толкнули» на путь предательства разные люди, с которыми ему пришлось видиться и говорить после того, как он нашел пулю. Толкнули прежде всего «собственным примером». Именно они первые предали правду.

Вот приходит Семен с найденной пулей к Дудыреву, приходит с тем, чтобы решить все «по-людски». Тот выслушивает Тетерина, но отказывается с ним что-либо обсуждать. Он советует отнести пулю следователю. Может показаться, что Дудырев поступает совершенно правильно, что ему действительно не стоит «вмешиваться» в дело, к которому он причастен. Фактически же за этим скрывается отнюдь не объективность, а испуг. Дудырев на миг испугался той правды, которую принес Семен, испугался и... отсекся от нее под видимостью «невмешательства». Так совершается первое предательство — «мелкое», почти незаметное. Сейчас оно не очень даже и ощущается. Может быть, оно так и осталось бы незамеченным, если бы... если бы не привело к другим. Семен уходит от Дудырева разочарованным, но не сбитым с пути.

Далее Тетерин идет к следователю Дитятичеву, надеясь встретить «обычного человека, только образованного и более умного, чем он сам», а встречает чиновника, которого подлинная правда вовсе не интересует. Мало того, она осложняет ему жизнь. Ему «удобнее», чтобы убил Митягин. Тот — человек «маленький», его можно и под суд отдать. Дудырев же — начальник крупного строительства, придется иметь дело с райкомом, с областью... И он все не стремится установить истину. Она не волнует его. Гораздо

больше его волнует другое — то, что эту истину знает Семен Тетерин. Разговор Дитятичева с Семеном, по видимости вполне «правоммерный», фактически направлен на то, чтобы сбить Тетерина: «А вы не подумали о том, что у нас создается впечатление, что эту пульку вы отлили ради десятилетней дружбы с Митягиным?.. Вы понимаете, чем это пахнет?.. Ложное показание с целью ввести в заблуждение правосудие...»

С точки зрения формальной, Дитятичев не совершает ничего противозаконного. Но это только формально, это из тех случаев, когда, как говорил Ленин, «формально все правильно, а по существу издевательство». По существу Дитятичев, как и Дудырев, предает правду, предает Тетерина.

Но поначалу и это второе предательство не сбивает Семена: «Слушай, добрая душа,— Семен сердито заворочался на стуле,— я в ваших делах не боек. А только пулька эта не фальшивая, хоть голову руби!» И Дитятичев приводит в действие хотя и нехитрую, но безотказно действующую машину демагогии и запугивания: «Вы можете настаивать на этом. Можете! Но прикиньте: кто вам поверит?» «Как знать, не придется ли нам и против вас возбудить дело».

И тут Тетерин не выдерживает... Он уходит в смятении. Рассказать бы об этом случае людям, сообщить бы о найденной пуле Митягину, обрадовать человека. Но уже закрался в душу микроб страха за себя, уже появилось сомнение в правильности того пути, по которому пошел и с которого не собирался сворачивать.

Что же делать? Как быть? Надо все-таки с кем-то посоветоваться. И Семен Тетерин направляется к председателю колхоза, Донату Боровикову, рассказывает, как было дело. Может быть, у него он найдет понимание, найдет поддержку? Ведь так важно бывает, чтобы в минуту сомнений, колебаний тебе дали добрый совет, поддержали, ободрили. Тетерин вроде бы действительно находит у Доната «понимание»: тот *верит* его рассказу, *верит*, что пуля настоящая, а не фальшивая, что Семен вынул ее из медведя. Верит и... дает такой совет: «Ты эту пулю при себе храни, а не шуми о ней на всех углах». Тетерин недоумевает: «Эко! Не шуми... Ты тоже хочешь правду упрятать?» И в ответ на эти слова Донат Боровиков развивает целую «теорию», согласно которой получается, что на свете существует не одна-единственная правда, а по крайней мере две: «...кроме митягинской правды, которую ты выковырял из медведя вместе с пулькой, есть и другая. Я этих судебных законов толком не знаю, но, видать, так уж положено: раз человека убили — верно, для острастки другим следует наказать... Будем считать, что кто-то непременно пострадать должен. Ты вот докажешь, что виновен Дудырев... Буду я этому рад? Нет!.. Любой бабе, любому парню, на кого ни укажи пальцем,— всем выгодно, чтоб строительство шло как по маслу... чтоб Дудырев сидел на своем месте».

И вот этой-то теорией, представляющей собой этакий домо-

рошенный вариант прагматизма,— истинно, мол, то, что выгодно,— наносится Семену последний удар. Особый вред подобных рассуждений заключается в том, что отречение, отказ от правды пытаются прикрыть чем-то якобы «высоким». Доказывают, что существуют какие-то важные, чуть ли не государственные соображения, какая-то «высшая», мифическая правда, во имя которой и предлагают человеку отречься от той правды, которой он владеет.

Подобная демагогия сбивает порой и сильных людей с их истинного пути. Не мудрено, что повлияла она и на Семена Тетерина. Этого третьего предательства, предательства, обоснованного «теоретически», он уже не перенес. Показалось ему, что и в самом деле не нужна людям та правда, которую он знает. Колебался, колебался, и вдруг охватило его озлобление: «Донат Боровиков не думает, Дудырев не травит себя, а он, Семен Тетерин, хочет быть лучше других, эго! Вздумалось болящего Христа из себя корчить... Простак ты, Семен, простак. Считаю, век прожил, а до сих пор в ум не возьмешь, что плетью обуха не перешибают. Дудырев и следователь не медведи, с лесной ухваткой не свалишь... И перед Митягиным от стыда корчиться нечего. Помогай там, где можешь помочь, не можешь — живи себе в сторонке». И пуля полетела в болото. Попробуй, разыщи ее теперь, даже если захочешь. Не разыскать.

Так кончается хотя и не очень длинный, но мучительный путь сомнений и колебаний Семена Тетерина. Кончается отречением от правды.

Семену Тетерину противопоставлен в повести Дудырев, энергичный, напористый человек, «подымающий жизнь из сонного застоя». Поначалу не очень ясно, что это за человек. Своего рода «удельный князь», перед которым все трепещут, которого побаиваются и «уважают» за силу и могущество? Или же умный и толковый руководитель, делающий большое дело, действительно «крупный» человек — не только по должности, но и по складу характера, мыслям, чувствам, жизненным принципам? Впечатления наши противоречивы. Вроде бы и нет пока никаких оснований для того, чтобы воспылать к Дудыреву активной симпатией или антипатией, а все же относишься к нему почему-то несколько настороженно. Вероятно, где-то в подсознании скрывается предположение, что перед тобой еще не «выявившийся» бюрократ.

Но вот приходит к нему Тетерин, показывает найденную пулю, ждет разумного, человеческого совета, и тут Дудырев смалодушничал. «Убийца! Он, который все силы, всю жизнь отдал на то, чтобы лучше устроить жизнь людям... Не признает себя! Нет, нет и нет! Только не по доброй воле, лишь через силу, лишь припертый к стене, не иначе». Наши горькие предположения оказываются подтвержденными. Да, перед нами «деятель», в трудный момент думающий только о собственном спасении, прохвост, прикрываю-

щийся былыми заслугами. Какими только словами не обзываем мы Дудырева. Но дальше...

Дальше вдруг все в корне меняется. Дудырев преодолевает свое малодушие, свою трусость. Он едет к следователю Дитятичеву и упрекает его в том, что тот боится сложности и ищет истину, «где светлей да удобней, а не там, где она лежит на самом деле». Чем руководствуется он? Жалостью к Митягину? «Нет, не жалость заставляла Дудырева верить Семену Тетерину, не она толкала — действуй, не успокаивайся, добивайся истины. Просто одна мысль, что есть возможность прикрыться слабым и беззащитным, была противна Дудыреву. Разве можно после этого относиться к себе с уважением? Жить с вечным презрением к себе — да какая же это жизнь!» Вот во имя чего действует он теперь фактически против самого себя. Его поведение иным может показаться глупым, неискренним. Ведь именно так воспринимается оно следователем Дитятичевым и прокурором Тестовым. Оно удивляет их. А Дудырев в свою очередь удивляется, как Тестов — умный, образованный, недюжинный человек — не понимает, что «нельзя уважать себя, свершив подлость, пусть не своими, а чужими руками».

Добиваясь истины во что бы то ни стало, даже той, которая свидетельствует против него, Дудырев тем самым *старается жить так, как следует жить*. Но он уже не может ничего сделать. Нельзя повернуть вспять то, что произошло. Поздно. Семен Тетерин уже отрекся от правды.

Но вот окончен суд. Оправдан Дудырев, оправдан Митягин. Судьи оказались на высоте, они поняли, что убийство было случайным, непреднамеренным, что никто не виноват. И все же один человек осужден. Это Семен Тетерин. Осужден не законом, а собственной совестью. Он отрекся не только от маленького, круглого комочка свинца, но и от чего-то неизмеримо более важного и значительного. Он убедил себя в том, что можно поступить по «маленькой», «житейской» правде, и вот наказан за свое отступничество. Когда он вступал на этот жалкий путь, «у него было одно утешение — маленькое, неверное, постыдное, но все-таки утешение. Считал, что все люди плохи, такой, как Дудырев, спасает свою шкуру, не мучится совестью. Так к чему выглядеть красивее других, зачем лезть на рожон? Было утешение, теперь нет. Дудырев защищал Митягина, готов был разделить с ним вину. Нет оправдания Семену, не на кого кивать». Так самим ходом повествования Тендряков обнажает не только *ложность* того пути, на который встал Семен, но и его безрадостность, бесперспективность. Те, кто встает на этот путь, надеясь сберечь свое личное спокойствие и благополучие, порой избегают людского суда, но им не избежать суда собственной совести.

Нужно сказать, что подобное напоминание людям о суде совести некоторые наши критики считают предосудительным, видя в нем чуть ли не проповедь индивидуалистической морали. Вот

что писал, к примеру, А. Дымшиц в газете «Литература и жизнь» (19 мая 1961 года): «В. Тендряков в своей последней повести — произведении с очень нечеткими «решениями» моральных проблем, — безусловно, дал повод «некритической критике» еще больше усилить его неверные мысли. И вот уже критик И. Борисова пишет о суде совести, как о самом страшном суде над человеком. Не ясно ли, что для признания такой «этической тезы» надо сначала признать «царствие божие внутри нас», что в основе такого утверждения лежит мораль индивидуалистическая, древняя, как библия?»

Видите, как серьезно: и мораль-де «индивидуалистическая», и «царствие божие внутри нас». И все это из-за того, что в повести Тендрякова есть такая фраза: «Нет более тяжкого суда, чем суд своей совести». Видно, совесть представляется А. Дымшицу чем-то явно идеалистическим, каким-то «пережитком религии» в сознании людей. А между тем это человеческое качество, которое мы и можем и должны брать с собой в коммунизм. Ведь в наши дни «человек с чистой совестью» — это тот, кто живет по принципам социалистической, коммунистической морали. И если суд собственной совести пока для многих не является самым «тяжким», то это доказывает только то, что коммунистическая мораль еще не стала их настоящей «натурой», что она для них пока еще больше «обязанность», чем органическая потребность. Задача же литературы — воспитывать людей в духе этой морали, воспитывать их коммунистическую совесть.

Главная идея повести сформулирована весьма ясно в ней самой: «истина и счастье людей неотделимы друг от друга, а счастье слишком серьезная вещь, чтоб давалась легко, — под фонарем, где светлей да удобней, его не найдешь». Как видим, мысль чрезвычайно важная, заслуживающая безусловного внимания и достойная художественного воплощения. И очень странно, что идея «Суда» толкуется некоторыми критиками вкривь и вкось.

Означает ли все сказанное выше, что новая повесть В. Тендрякова представляется нам безусловной удачей писателя? Нет, не означает.

И прежде всего здесь приходится вновь говорить об образе Дудырева. Писатель вывел в его лице человека, проявившего в какой-то момент малодушие и чуть не свернувшего с правильного пути, но затем обретшего мужество и добивающегося истины, которая направлена против него самого. Тип этот очень интересный, но он не раскрыт по-настоящему, не обрисован достаточно полно. Резкий поворот, который происходит с Дудыревым в повести, оказывается внутренне не подготовленным, а потому производит впечатление искусственного. И тут мы подходим к тому, что, на наш взгляд, является главным недостатком повести.

В. Тендрякова всегда занимает какая-нибудь значительная общественная проблема, и он ставит ее открыто, прямо, без ого-

ворок и недомолвок. Поэтому в его произведениях *идея* просматривается предельно отчетливо; она осязаема, до нее не надо «докапываться», она видна невооруженным глазом. Однако это вовсе не та «голая» идея, которая выпирает наружу. В лучших произведениях Тендрякова отчетливая общественная мысль является художественной идеей, а не просто железным каркасом, на который напялено «платье художества», она проявляется во всей обрванной структуре вещи и организует эту структуру.

Последняя же повесть оставляет в этом отношении двойственное ощущение. При чтении она захватывает, будоражит, и все-таки порою «каркас» ее начинает «выпирать наружу», а к главной идее «примешивается» еще одна, полемическая...

...Несчетное количество раз видели мы в романах, повестях, кинофильмах этакое кряжистого, цельного, «не разъеденного рефлексией» мужика, сильного своей «естественностью», своей первородной, «лесной» мудростью. Представлялся этот мужик авторами как «живое олицетворение народа». И встречался с ним какой-нибудь «интеллигент». Иногда это был крупный руководитель, а иногда ученый или писатель. Встречался с таким «живым олицетворением народа», слушал его разинув рот, набирался «ума-разума», а потом вдруг сразу «прозревал» и шел совершать благородные поступки или же творить великие произведения искусства. Особенно любили такие сцены авторы биографических фильмов. Они казались им чрезвычайно важными, значительными, «реалистически-символическими». На самом же деле в них было гораздо больше сусальности, чем чего-либо иного.

В. Тендрякову, видимо, опостылела эта сусальная тенденция, назойливо проводившаяся в целом ряде произведений. И вот он восстал против нее. «Восстание» это вполне своевременно и закономерно. Но осуществлено оно, к сожалению, несколько дидактически.

Если сторонники этой тенденции пытались всеми силами доказать свою «тезу», то В. Тендряков постарался доказать «анти-тезу». А для того, чтобы доказательство это было «наглядней», он также взял «мужика», сильного своей «естественностью», взял «интеллигентов» — крупного руководителя и следователя, поставил их в острую, можно сказать, исключительную ситуацию и показал, что кондовый медвежатник Семен Тетерин оказался слабее.

Следы этой «антитезы» отчетливо видны в конце повести, в размышлении Дудырева о Семене Тетерине: «Как бы там ни было — солгал ли охотник сейчас на суде или же лгал ему, Дудыреву, раньше, принося фальшивую пулю,— в обоих случаях некрасиво.

Семен Тетерин! Медвежатник! Казалось, вот олицетворение народа. А перед народом Дудырев с малых лет привык безогчетно, почти с религиозным обожанием преклоняться.

Он, Дудырев, требует от Семена Тетерина больше, чем от са-

мого себя. Кондовый медвежатник, не растравлен рефлексией, цельная натура, первобытная сила — как не умиляться Дудыреву, окончившему институт, приписавшемуся к интеллигенции. Умилялся и забывал, что он сам строит новые заводы, завозит новые машины, хочет того или нет, а усложняет жизнь. Усложняет, а после этого удивляется, что Семен Тетерин, оставив лес с его пусть суровыми, но бесхитростными законами, теряется, путается, держит себя не так, как подобает.

Последние фразы этого внутреннего монолога как бы «снимают» часть вины с Тетерина, как бы «оправдывают» его «усложнением жизни». Они в какой-то степени «смазывают» то весьма решительное осуждение Тетерина, которое содержится в повести. Видно, не совсем еще Дудырев освободился от «умиления» и «почти религиозного обожания».

Но размышления Дудырева еще не закончены: Он продолжает раздумывать над тем, что случилось, и надо сказать, что выводы, к которым он приходит, хотя и не очень новы, но совершенно правильны и справедливы: «Люди меняются медленнее, чем сама жизнь. Построил комбинат — перевернул в Густоборье жизнь. Комбинат можно построить за три-четыре года, человеческий характер создается десятилетиями. Мало поднять комбинат, проложить дорогу, переселить людей в благоустроенные дома. Это нужно, но это еще не все. Надо учить людей, как жить.

Слепое преклонение не есть любовь. Истинная любовь деятельна».

Да, народ надо любить. И не следует истинную, деятельную любовь подменять слепым преклонением, религиозным обожанием. Нужно воспитывать людей, пробуждать к подлинной общественной активности, способствовать освобождению их от всех и всяческих предрассудков и недостатков, стремиться поднять на новую, более высокую ступень гражданского самосознания. *Надо учить людей, как жить.* Жить настоящей, большой жизнью, жить по всей правде, не петляя и не кривя душой. Но думается, что делать это следует без излишней назидательности, без «пережимов»: нехорошо, когда читатель хотя бы в малейшей степени чувствует «заданность» книги.